
INSPIRIA
Убийство в сочельник
ЕЛОЧНЫЙ БАЗАР
КАФЕ ОЧАГ
ЖАКЛИН ФРОСТ

Жаклин Фрост
Убийство в сочельник
Серия «Tok. Детективные каникулы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74725391
ISBN 978-5-04-257310-1

Аннотация

Новогоднее детективное путешествие на елочную ферму, где вся атмосфера пропитана праздником, ароматами выпечки и пряного глинтвейна.

Идеальный уютный детектив для поклонников Питера Боланда, Кристен Перрин, Ричарда Османа и М. С. Битон.

Первая книга в цикле о преступлениях в маленьком городке Омела, где любопытной Холли Уайт из раза в раз приходится раскрывать новые тайны.

В воздухе пахнет корицей и свежими имбирными пряниками, повсюду горят гирлянды, и все в городке Омела пропитано атмосферой приближающегося праздника. Вот только хорошее настроение есть далеко не у всех. Холли Уайт прямо перед свадьбой бросил жених, и ей пришлось вернуться к родителям на елочную ферму «Оленьи игры». Казалось, худшее позади, пока одной морозной ночью девушка не находит на семейном участке труп в санях…

Маргарет Фенвик, президент Исторического общества и весьма надоедливая пожилая леди, оказалась заколота колышком в виде леденца. И, к несчастью, сразу после громкой ссоры с отцом Холли. Теперь ферма закрыта, подозрение лежит на семье Уайт, а ежегодный фестиваль оказался под угрозой срыва. У Холли есть двенадцать дней до Рождества, чтобы обелить имя отца и не дать преступнику уйти от ответа.

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 23
Глава 3 41
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Жаклин Фрост
Убийство в сочельник

Jacqueline Frost
Twelve Slays of Christmas
Copyright © 2017 by The Quick Brown Fox & Company LLC

© Кучина А., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Моим родителям – за бесконечные праздники, полные волшебства

Глава 1

– Две чашки коричного чая Санты, пряный яблочный сидр и мятное какао, – сказала я, ставя кружки на столик, за которым сидели розовощекие женщины в одинаковых праздничных свитерах. Увидев фирменные напитки моей мамы, они потянулись вперед. Я опустила в чай и сидр палочки корицы, а в какао – полосатый леденец-тросточку.

Женщины причмокнули. Стоило им взяться за напитки, как воздух наполнился мягким сладким ароматом.

Я сунула пустой поднос под мышку и поставила в центр столика корзинку теплого печенья.

– Три сахарных печенья с корицей и одно рождественское с кусочками шоколада, все с пылу с жару.

– О, – пропели дамы.

– Волшебное местечко, – сказала рыжая. – В ремесленной лавке можно купить такое ожерелье?

Я прикоснулась к декоративным мармеладкам на ключице.

– О нет. Эту штучку я сама сделала.

– Понятно. – С каждым глотком горячего сидра ее очки запотевали все сильнее. – Очень жаль. Красивое. Такое забавное.

Она как будто подбирала слово поточнее.

– Очаровательное. – Женщина удовлетворенно улыбну-

лась. – В рекламных проспектах пишут чистую правду. Елочная ферма «Оленьи игры» – рай для отдыха. И про игры – это не шутка! Мы завтра вернемся, чтобы украсить имбирный домик. А еще я хочу попробовать слепить большого снеговика. Всегда их обожала.

– У вас так интересно, – подтвердила ее соседка. Она разгладила смятый флаер на столешнице. – «Двенадцать дней оленьих игр». Потрясающе. Возможно, мы задержимся подольше и посетим их все. Мы на пенсии. Времени полно.

Я опустила ладони на стол и заговорщически улыбнулась.

– Если останетесь на сочельник, не пропустите «Снежный перекат». Жители городка выстраиваются вдоль длинного ледяного спуска и подбадривают участников, которые мчатся вниз со своими снежками. В начале горки те кажутся крошечными, но к подножию становятся огромными и могут сбить с ног.

Дама с какао взмахнула ресницами и застонала, взбитые сливки с посыпкой были на ее верхней губе.

– Поверить не могу, что мы здесь никогда не были. Это наш первый приезд на елочную ферму, но точно не последний.

– Не последний, – поддержала еще одна женщина из группы.

– Однозначно, – подтвердила третья.

Я искренне улыбнулась.

– Чудесно. С нетерпением жду вас на играх этой недели и

на следующее Рождество.

Произнесенные вслух, эти слова вызвали такую волну боли, что я задержала дыхание. *Откуда я знаю, где буду через год? Меня и сейчас тут быть не должно было.*

Я должна быть в Портленде, штат Мэн, и считать дни до свадьбы в канун Рождества, но три дня назад уже бывший жених бросил меня. Он заявил, что встретил в фитнес-клубе более осознанную девушку. Мне показалось, что под этим словом он подразумевал *помоложе и посимпатичнее*, но уточнять не стала. Заказала грузовик для перевозки вещей и поехала домой, в Омелу, штат Мэн, где никто не бросается дурацкими словечками типа «осознанная».

Входная дверь распахнулась, меня обдало порывом ветра и снега. Клиенты поплотнее закутались в одежду, ни на секунду не отвлекаясь от разговоров и десертов.

Женщина, в которой я узнала Полу Бич с кленовой фермы неподалеку, стоптала снег с сапог и оглядела помещение. Мы с ней вроде как незнакомы. Она старше моих родителей, и я помню ее еще со времен своего детства. Пола помахала группке местных за общим столом.

– Она мне штраф выписала. Как вам такое? – спросила у них Пола, стряхнула снег с плеч и с трудом закрыла дверь. – Выписала штраф на пятьдесят семь долларов за то, что я выкрасила сувенирную лавку в оттенок розового, которого нет в ее дурацком справочнике исторически достоверных цветов.

Ее друзья возмущенно заохали. Одна из компании подтолкнула поднос с общими имбирными печеньями в сторону Полы и спросила:

– Что на нее нашло?

– Ум за разум у нее зашел, вот что.

Пола ослабила шарф и стряхнула на пол больше снега.

– А я вот что скажу – платить *не* собираюсь.

Она опустилась на пустой стул между друзьями.

Я подошла принять заказ.

– Здравствуйте, я Холли. Что вам предложить из «Очага»?

«Очагом» называлось кафе на елочной ферме, но мне нравилась легкая игра слов. Многие, правда, ее не замечали.

– Кофе, – пробурчала новая клиентка. – Черный. Мне еще всю ночь не спать и планировать месть.

– Я могу чем-то помочь? – Я улыбнулась, надеясь поднять ей настроение до того, как остальные гости заразятся ее желчью.

– Да. Если увидите тут Маргарет Фенвик, возьмите двойную оплату или добавьте к счету пятьдесят семь долларов и скажите, что это штраф за шапку не того цвета.

– А.

Фенвик. Теперь я поняла, в чем дело. Между владельцами магазинов и Историческим обществом Омелы шла бесконечная битва. В нашем живописном городке местные собственники с удовольствием сдавали недвижимость в аренду,

но очень не любили все правила и предписания, которые требовалось выполнять. Поэтому пытались вылезти за рамки, но их сдерживало Историческое общество. Его президентом, сколько я себя помню, всегда был кто-то из семьи Фенвик.

Я пошла к стойке за кофе для Полы.

Делорес Каттер забралась на барную табуретку и поприветствовала меня улыбкой.

– Холли Уайт! Глаз не оторвать. Красавица, как всегда. Ты подстриглась.

– Привет, Куки!

Я стиснула ее в объятиях. Умерший муж Делорес, Теодор Каттер, дал ей прозвище Куки, потому что она любила печь. Я звала ее Куки Каттер[1] лет десять, не меньше, прежде чем поняла, в чем шутка.

– Спасибо. Приятно вернуться домой.

– У гостевого дома грузовик с твоими вещами?

– Да. Я приехала вечером.

– Как дорога?

– Хорошо.

Хотя мысль о том, что все нажитое добро вместилось в грузовик, который я сама перегнала из Портленда в Омелу без дозаправки, немного напрягала. Кошка, которую я забрала с улицы, Синди Лу, ехала рядом, на переднем сиденье.

– Я так тебе рада. Я уже говорила? – спросила Куки. Ее кудрявые седые волосы напоминали облачко, а голубые глаза

[1] Созвучно с *cookie cutter* (*англ.*) – формочка для печенья.

всегда лучились энтузиазмом. Куки видела и делала то, что я себе даже вообразить не могла. Она торговала сигаретами в клубе, была знакома с Фрэнком Синатрой и пережила двух мужей. В год, когда я поступила в колледж, Куки выиграла в государственную лотерею. Так что блеск в глазах оправдан.

– Нет, – я улыбнулась. – Ты сказала, что тебе нравится моя стрижка.

Я заправила прядь прямых, как струна, волос за ухо. Обычно я ношу длину до плеч, но к моменту приезда в Омелу она сократилась на шесть дюймов. Я увидела придорожный салон красоты у Вестбрука и заглянула туда, недолго думая. Мне нужно было встряхнуться, поэтому я оставила там тридцать долларов и половину своих волос.

– Что нового? – спросила я, наслаждаясь искоркой в глазах Куки и теплой непринужденной улыбкой.

– Ничего особенного. Снаружи Маргарет Фенвик ругается с оленеводом. Говорит, вашей елочной ферме на этих ребят нужно разрешение, как на скот. Я попыталась заступиться, но она стала угрожать Теодору.

Я покачнулась на каблуках.

– Твоему умершему мужу?

– Моему козлу.

Куки положила шапку и перчатки на стойку.

– Я назвала его в честь мужа. Порода пигмей. А еще бородка прямо как у Теодора Первого. Никакой он не скот, черт побери. Он член семьи.

Я улыбнулась.

– Ей должно быть стыдно.

– Не то слово.

Куки помурлыкала в унисон с песней *Jingle Bell Rock* и постучала пальцами по стойке.

– Может, нальешь мне мятного чайку с порцией шнапса?

У меня вырвался неожиданный смешок:

– Может, просто чаю?

– Ну ладно, – ответила Куки. – Ты же знаешь, я пошутила. – Она водрузила себе на колени гигантскую стеганую сумку и раскрыла ее. – Я принесла шнапс с собой.

– Хо-хо-хо!

Я обернулась на громогласный папин голос из другого угла.

– Счастливого Рождества!

Он похлопал себя по животу и выгнул спину. На плече у него висел огромный джутовый мешок.

Я поторопилась отнести черный кофе Полы на столик у двери.

– Как тут моя малышка? – спросил папа. Он опустил мешок и обнял меня; рукава плаща казались ледяными. Снег с его шапки упал мне на волосы.

– Чудесно, спасибо, что спросил.

Папа был моим личным Полом Баньяном. Ожившим определением лесника. Дровосеком по профессии, характеру и праву рождения. После полувека катания бревен и руб-

ки деревьев папа сам стал размером и упрямством напоминать дуб. Но обнимался он лучше всех. И сейчас отпустил меня, поцеловал в лоб.

Возможно, чертами лица и творческой жилкой я пошла в маму, но рост и дружелюбие у меня от отца. Я чуть ниже – он шесть футов и один дюйм, я пять футов и восемь дюймов, – но все равно выше мамы на целых шесть дюймов[2]. А вот карие глаза и волосы я взяла у обоих.

– Привет, папа. Чего пожелаешь?

– Хотелось бы снова почувствовать пальцы, – поддразнил он. – И на ногах тоже.

– Может, кофе?

Отец со стоном стянул тяжелые перчатки.

– Соглашусь.

– Замечательно. – Я пошла за кружкой. – А что в мешке? Он размером с меня.

– Указатели для грядок.

Папа развязал шнурок и вытащил деревяшку длиной в три фута[3]. Она была раскрашена под полосатый леденец-тросточку и заострена с одного конца. Папа повернул ее так, чтобы стало видно три буквы, нанесенные по трафарету: «ЕЛЬ».

– Для елей и сосен тоже есть. Мама говорит, так людям будет проще разобраться и найти то, что нужно. Она краси-

---

[2] 185,42 см; 172,72 см; 15,24 см.

[3] 91,44 см. 1 фут = 30,48 см.

во раскрасила указатели, а я теперь вкапываю их в землю в конце ряда с соответствующими деревьями.

– Умно. И очаровательно.

– Я отлично проводил время, пока мороз не загнал меня внутрь погреться. – Папа потер ладони друг о друга и подышал на них. – Кажется, пахнет свежими бисквитами с кремом.

– Возможно.

Обычно мама пекла без передышки с Хэллоуина по Новый год, и эти вкуснейшие шоколадные лакомства стали семейной традицией Уайтов.

– Может, закончу на сегодня, если и правда бисквиты готовы, – сказал папа. – Закину мешок в амбар и закончу завтра.

– Давай, – поторопила Куки. – И дай знать, если хочешь чашечку чаю.

Мама вышла из кухни в облаке сахарной пудры и какао. Ее короткие каштановые волосы были завиты в небрежные локоны и заправлены за уши, как у меня. А в руках, которые скрывались под кухонными рукавицами, она держала огромный поднос свежих бисквитов.

При виде мамы все замолчали. А потом начали махать.

– Иду!

Я пошла принимать заказы на бисквиты, пока сама их все не съела. Оказаться дома на Рождество – та самая передышка, в которой я так нуждалась. Я скучала по «Очагу», по сто-

лам шоколадного цвета на черных, будто лакрица, ножках, каждый из которых был сделан вручную. Обстановка кафе напоминала пряничный домик – люстры, похожие на леденцы, освещали раскрашенные в полоску кабинки, а на окнах висели белые кружевные занавески. В детстве все свои беды и печали я несла сюда. Смерть питомцев. Предательство друзей. Невзаимные влюбленности. И все это раз за разом исцеляла кружечка горячего шоколада.

Входная дверь снова распахнулась, и вошла еще одна женщина. Столик, за которым только что поносили Маргарет Фенвик, умолк. Новая гостья в красной твидовой куртке обстучала каблуки сапожек на коврике у входа, и на порог осели маленькие комочки снега. Она с гримасой оглядела помещение и остановилась взглядом на мне.

– Холли Уайт.

Нахмурившись, дама направилась в мою сторону.

– Рада тебя видеть. Уверена, твои родители в восторге, что ты приехала на Рождество.

Ее мягкий голос резко контрастировал с выражением лица. Она долго смотрела на меня, прежде чем сдержанно кивнуть и повернуться к папе.

– Я кое-что тебе принесла, Бад.

Папа улыбнулся.

– Прекрасно. Покажи, о чем речь, Маргарет.

Маргарет? Я перевела взгляд на столик Полы. Женщины прижали кружки к губам и наблюдали с предвкушением.

Это была та самая Маргарет, на которую они жаловались.

– Вот. – Она протянула папе листок бумаги. – Это приказ привести в порядок ваш забор.

Папа скрестил руки на груди и листок не взял.

– Забор у нас новый. И всем предписаниям соответствует.

– Нет. – Маргарет принялась тыкать листком папе в руки, пока тот его не принял. – Стойла и контактный зоопарк обнесены исторически недостоверной изгородью. Она слишком высокая, а значит, нарушает положения кодекса об исторических зданиях. В этом письме я описала подробности и добавила снимки и адреса мест, где можно купить подходящие детали для замены.

Папа прищурился.

– Ты знаешь, сколько мы заплатили за этот виниловый забор? Я не могу выбросить части, которые тебе не понравились. А за секцию, о которой ты говоришь, еще и доплатили сверху. Высоту нарастили, чтобы защитить животных.

Маргарет покачала головой.

– Прости, Бад, но…

– Я ничего убирать не буду, – ответил папа.

Гости кафе разом охнули. Все посмотрели в нашу сторону. Больше никто *не* притворялся, что не подслушивает.

Меня передернуло. Я не слышала этого тона с подростковых лет, и раз папа заговорил так, значит, он это всерьез.

Папа вздохнул.

– Послушай, я понимаю твое беспокойство. И мне жаль,

что, на твой взгляд, изгородь слишком высокая. Но я делаю так, как будет лучше для животных. С удовольствием оплачу штраф.

Маргарет скривила ярко-красное лицо и вздернула подбородок.

– Скажи спасибо, что не прошу убрать весь забор. Думаешь, во времена основания этого города существовали виниловые заборы? Нет. И поставили вы его слишком близко к краю участка со стороны дороги, но я готова закрыть на это глаза, если изгородь будет соответствовать базовому уровню визуальных ожиданий. Я предлагаю компромисс.

Папа не шелохнулся.

Маргарет сжала губы.

– Или ты уберешь незаконную часть забора, или я сама это сделаю.

Он хмыкнул.

– Этого не будет. Забор поставлен на совесть, и, уж прости, у меня кошки побольше тебя будут.

– Вот как? – В молочно-голубых глазах Маргарет сквозило упорство. – Я не говорила, что своими руками его уберу.

Она развернулась на каблуках и вылетела на улицу, стиснув кулаки.

Напряжение после ее ухода было ощутимым, и некоторые из гостей заторопились на выход – в частности, Пола, которой явно хватило впечатлений за вечер.

Папа сдулся и виновато посмотрел на маму.

– Я знаю. Я должен извиниться.

– Ты поругался с полутораметровой бабулькой, – ответила та. – Повел себя как хулиган.

– Ладно. – Отец забросил мешок с указателями на плечо и вышел вслед за Маргарет.

Мама потрогала меня за плечо.

– Ты тоже иди. Он не умеет извиняться, и Маргарет, скорее всего, опять его заведет.

Куки натянула пушистые рукавички и надела вязаную шапочку на кудрявые седые волосы.

– Я пойду с тобой.

Она положила в сумку печенье на дорожку.

Я отнесла заказанные бисквиты за несколько столиков и взяла пальто.

Снаружи уже стемнело, я этого не ожидала. Сияющие гирлянды освещали, казалось бы, бесконечные ряды вечнозеленых деревьев.

Дети столпились вокруг северного оленя, а смотритель, мистер Флис, рассказывал им о волшебстве, с помощью которого можно летать. Мистер Флис выглядел далеко не таким радостным, как его слушатели. Возможно, все дело было в его столкновении с Маргарет Фенвик.

Куки потерла рукава ладонями в рукавичках.

– Где они? Такой мороз.

– Я не знаю.

Я огляделась по сторонам, пытаясь найти папу, который

обычно был в толпе выше всех на голову.

Вдалеке прогарцевала лошадь, тащившая за собой большие белые сани.

– Может, она решила прокатиться? – сказала я.

– Точно, – согласилась Куки. – Лошадям, наверное, пришлось выписать штраф за превышение скорости.

Я всматривалась в ночь, изучая каждое улыбающееся лицо.

– Может, папа так и не догнал ее, потому что Маргарет не стала задерживаться. – Я свернула на длинную гравийную дорожку, ведущую от участка. – Возможно, она отправилась домой. На чем Маргарет ездит?

Куки пожала плечами.

– На метле?

Я легонько толкнула ее.

– У каждого из нас есть работа. Она просто выполняет свою.

Но, конечно, мысленно я подумала, что к такому пучку кнутов Маргарет Фенвик не повредило бы добавить кусочек пряника.

Куки вздрогнула.

– Похоже, мне понадобится еще чашечка моего особого чая. Помогает от артрита.

Я хихикнула.

– Будешь завтра делать пряничный домик?

На губах Куки заиграла озорная улыбка.

– В этом году я участвую во всех играх. Я тренировалась наносить глазурь и ходила на степ-аэробику для пенсионеров в церкви. Так что готова ко всему.

Я заулыбалась еще шире.

– Хочешь, будем напарницами?

– Еще бы! – Куки подняла руку, чтобы стукнуться ладонями.

Я всегда ее обожала. Она рассказывала потрясающие истории и вела рождественские ремесленные мастер-классы. В детстве я наблюдала за тем, как она создает просто потрясающие вещи. Родители полагали, что она бросит этим заниматься после выигрыша в лотерею, но я точно знала; Куки любила ту жизнь, которой жила, и ничто не было в силах этого изменить. Хотя мне всегда было интересно, почему она не открыла свое дело. Куки была творческим гением. Благодаря ей я стала настоящей мастерицей на все руки – могла нарисовать узоры яблочным соусом и собрать колье из бусин-конфеток. Кстати, бижутерией я занималась всегда, когда скучала по дому, и, если учесть, сколько украшений приехало сюда вместе со мной, скучала я чаще, чем осознавала это.

– Я возвращаюсь, а то превращусь в сосульку, – сказала Куки.

– Хорошо. А я взгляну на забор, из-за которого столько шума.

Я медленно и твердо шла по земле, давая передышку но-

гам и наслаждаясь свежим зимним воздухом. По мне, так изгородь выглядела чудесно – что части пониже, что секция повыше.

Я положила руки на бедра и повернулась на месте, пытаясь выискать Маргарет или папу.

Ночь пронзил резкий вскрик. Я подпрыгнула, разворачиваясь, и уставилась в темноту в поисках того, кто кричал. Темная фигура неподалеку от проселочной дороги махала руками:

– На помощь!

Звонкий женский голос погнал меня вперед по подъездной дорожке.

Я моментально покрыла расстояние между нами, пройдя под вырезанной вручную табличкой «Добро пожаловать в “Оленьи игры”», и оказалась рядом с женщиной.

– Что случилось? – запыхавшись, спросила я. Если не считать искаженного ужасом лица, с ней на вид все было нормально. – Вы ранены? Вы что-то увидели? – надавила я. – Рысь? Или койота?

Женщина прижала ладонь в рукавице ко рту и указала в сторону старых саней, которые стояли у входа на наш участок.

Я посмотрела в том направлении, надеясь, что не увижу там медведя.

– О нет.

Я бросилась к потрескавшемуся кожаному сиденью саней,

пытаясь дотянуться до знакомой красной твидовой куртки.

– Звоните 911! – закричала я. – Миссис Фенвик? Вы меня слышите?

У нее случился сердечный приступ? Инсульт?

– Миссис Фенвик!

Я повернула Маргарет лицом к себе. Светлые невидящие глаза уставились на меня в ответ. Темная липкая жидкость залила сиденье у нее за спиной.

– Нет, – прошептала я.

Я стряхнула одну из варежек на дно саней и голой рукой порылась в кармане пальто. Достала сотовый и набрала номер. Но мне не нужен был врач, чтобы подтвердить то, что я и так уже знала, – Маргарет Фенвик была мертва.

Глава 2

Я сидела в машине шерифа, утирая слезы и пытаясь пережить все нахлынувшие эмоции. Как такое возможно? Прямо сейчас женщину, которая сегодня вечером поприветствовала меня дома, грузят в машину коронера за окном? Это казалось бредом. Мой разум не мог этого осознать, а тело было не в состоянии переварить внезапный выброс адреналина. Я сделала еще один глубокий прерывистый вдох, и в голове просветлело.

Дверь с моей стороны распахнулась, и я вскрикнула. Шериф Эван Грей сунулся внутрь. Пока я восемь лет жила в Портленде, он успел сменить на посту более старого и крупного шерифа Данна.

– Извините, нужно было постучаться.

Я бы, наверное, все равно вскрикнула.

– Мы почти закончили, – сказал он с едва заметным бостонским выговором. – Ферма закрыта на вечер, а ваши родители сказали, что мы можем поговорить в кафе. Они подумали, вам там будет комфортнее, чем в участке.

Я согласно закивала, надеясь на то, что это со стороны не похоже на судорогу.

Дверь закрылась, и шериф Грей забрался за руль. Звонок в службу спасения превратился в настоящее светопреставление: приехали скорая, пожарные, шериф и его помощники.

Местные репортеры почти успели на место, но их выгнали представители органов правопорядка. Фургон коронера приехал отдельно.

Патрульная машина ползла по нашей длинной подъездной дорожке, покрытой гравием, и я подскакивала и опрокидывалась на каждом ухабе. В салоне было тепло и пахло имбирным пряником и одеколоном – подходящее сочетание для шерифа из Омелы. На пассажирском сиденье лежала потрепанная книга в мягкой обложке.

Мы остановились у «Очага». Шериф поднял книгу и поймал мой взгляд в зеркале заднего вида.

– Это «Граф Монте-Кристо».

Я плюхнулась на сиденье, не осознавая, как сильно вытянула шею, пытаясь разглядеть название.

Он вышел наружу и открыл мне дверь.

– Все нормально? – спросил шериф, ведя меня в здание.

– Нет.

Папа обнял меня до того, как я переступила порог. Куки и остальные сотрудники фермы сидели внутри – яркие кабинки были заполнены грустными лицами. Сложно печалиться, устроившись на барном стуле, напоминающем конфету, но я почувствовала, что сегодня мне это удалось бы с легкостью.

Я опустилась за стойку, и папа поцеловал меня в лоб.

– Мне жаль, что тебе пришлось это пережить.

Его слова эхом повторились в тихом шепоте всех остальных.

Мама поставила на стойку чай и мятные леденцы. Ее глаза блестели от слез.

– Это поможет.

Шериф прочистил горло и обратился к отцу:

– Это все ваши сотрудники, мистер Уайт?

– Да. – Папа сжал мое плечо, нахмурив брови от беспокойства.

– Все, кто сегодня работал, здесь? – продолжил шериф.

Папа пристально оглядел комнату.

– Да, сэр. Вся банда в сборе.

– Хорошо.

Шериф медленно прошел по залу, сунув руки в карманы и изучая каждого острым взглядом.

– Орудие убийства обнаружили в мусорном контейнере недалеко от тела.

Папа застонал:

– Надеюсь, не в нашем.

– К сожалению, в вашем, – ответил шериф. – Хотите предположить, что это было?

Я взяла в ладони теплую чашку чая и наморщила нос.

– Кому такое придет в голову?

Шериф повернулся ко мне. У челюсти играли желваки.

– Я сделал фото. – Он повернул телефон к остальным. – Кто-нибудь знает, что это?

Куки надела очки.

– Я не вижу.

Я видела. Но лучше бы нет.

– Давайте я вам опишу этот предмет, – сказал шериф. – Длиной примерно три фута, из дерева, окрашен под полосатый леденец-тросточку. На нем написано «ЕЛЬ».

Папа выругался себе под нос, потом сел.

Куки резко уставилась на него и сказала:

– Ой-ей.

Она убрала очки в сумку и достала шнапс.

У мамы отвисла челюсть.

– Вы же не думаете…

Резкий вздох оборвал ее мысль.

Я отставила чашку и вытаращилась на шерифа.

– Вы же не думаете, что мой *папа* убил Маргарет Фенвик?

То, что шериф пытался обвинить кого-то из сотрудников, и так было ужасно. Но выставить виновным *его самого* было немыслимо. Безумие. Шериф что, не знаком с моим отцом? Это же двухсотфунтовый плюшевый мишка.

Шериф Грей перевел взгляд на папу.

– Я всего лишь задаю вопросы. Например, где вы были сегодня примерно в восемнадцать тридцать, мистер Уайт?

– Я искал Маргарет, – ответил папа, протянув к нему руки. – Хотел извиниться, но не мог ее найти.

Шериф вытащил ручку из кармана рубашки и открыл блокнот.

– Извиниться. Вы двое поругались?

– Эй. – Я развела руками, как судья на домашнем стадио-

не. – Ты не обязан отвечать, – сказала я папе. – Тебе нужен адвокат.

Мама прижала носовой платок к лицу.

– Вы арестуете Бада?

Все в зале поднялись на ноги и приблизились к маме и папе со словами поддержки.

Шериф посмотрел на это округлившимися глазами.

– Я никого не арестовываю, – громко сказал он. – Я задаю вопросы. Таков порядок. Прошу вас, сядьте.

Сотрудники медленно разбрелись по местам.

– Что будет дальше? – спросила я. – Вы будете искать подозреваемых?

Мама наклонилась к моему уху:

– Милая, боюсь, это мы.

Я огляделась.

– Что? Почему?

Шериф посмотрел на меня с недоверием.

– Сегодня на территории фермы «Оленьи игры», используя принадлежащий вашей семье предмет, убили женщину. Естественно, я начну с очевидного.

Я прижала два пальца к виску, пытаясь следить за своим тоном:

– Для меня очевидно то, что эти люди так же шокированы и растеряны, как и я. Никто из них не стал бы причинять другому вред и уж тем более не стал бы бить старушку по голове указателем.

Я надеялась, что раздражения в моем голосе будет больше, чем злости.

Шериф обернулся ко мне.

– У всех присутствующих был доступ к орудию убийства и жертве. У меня есть свидетели, которые видели, как два ваших сотрудника сегодня поругались с Маргарет – на той же территории, где она была убита.

Я прищурилась, мне не нравилось, куда поворачивал наш разговор.

– На территории фермы сегодня были десятки людей. У всех есть доступ к этим указателям, а Маргарет ругалась не только с нашими сотрудниками. По моим ощущениям, она достала абсолютно всех.

Куки подняла руку.

– Это правда. Маргарет конфликтовала со всем городом. Выписывала эти дурацкие штрафы за нарушение кодекса. Даже моему Теодору угрожала.

– Теодору? – переспросил шериф Грей.

Я вмешалась прежде, чем Куки ответила:

– Я слышала, что Пола с кленовой фермы по соседству жаловалась на штраф, который ей выписала Маргарет за покраску сувенирной лавки не в тот цвет.

Шериф потер бровь.

– Мне нужны письменные показания. – Он положил блокнот на стойку и начал вырывать страницы. – Я попрошу всех написать то, о чем вы слышали, что видели или что, на ваш

взгляд, может быть для меня полезным в ходе расследования убийства Маргарет Фенвик.

Куки снова подняла руку.

– А если кто-то ничего не видел?

– Так и напишите, – ответил шериф.

– Да ну, глупость какая-то.

– Напиши про штраф за Теодора, – предложила я.

Шериф встал между нами.

– Подсказывать не надо, мисс Уайт, как и работать сообща.

Я развернулась, готовая нарисовать на листке злобные рожицы, но на ум пришло только то, как бедняжку Маргарет клали на носилки. Чтобы написать о том, что сегодня случилось, мне нужна была капелька волшебного снадобья Куки.

Шериф собрал наши письменные показания, как только все дописали, и поодиночке отпустил нас по домам, велев звонить, если вспомним что-нибудь еще. Я без сил отправилась к гостевому дому. Мне нужна была любимая пижама, теплая постель и обнимашки с Синди Лу.

* * *

На следующее утро шея и плечи заныли от напряжения, как только я стащила себя с постели и впихнула в мягкие джинсы и уродливый рождественский свитер. Сапоги ждали у входной двери, с них натекла лужица.

Синди Лу сидела на кухне у перевернутых мисок и злобно взирала на меня. Кошка дернула рваным ушком, заметив движение.

– Ой. Прости, Синди.

Она терпеть не могла, когда миски были пустыми. Я погладила ее по пушистой трехцветной голове и поставила миски на место, а потом насыпала в них сухого корма.

– У меня был тяжелый вечер, простишь?

Она повернулась ко мне спиной и принялась завтракать.

Я достала из шкатулки с украшениями серьги в виде леденцов-тросточек, с одной из них свисали крошечные пряничные человечки. Я полночи просидела за рукоделием, размышляя о смерти миссис Фенвик. Ничего толком не пришло на ум, зато я сделала несколько симпатичных браслетов.

– Хотела бы я остаться дома и сделать что-нибудь красивое, Синди, но имбирные человечки сами себя не украсят!

Я заперла дверь и по снегу побрела к «Очагу».

На входе меня настигло дежавю. Как будто все сотрудники остались в зале на ночь – мужчины и женщины сидели там же, где и вчера вечером.

Мама встретила меня с огромным бумажным стаканчиком черного кофе.

– Что происходит? – спросила я. – Почему все сидят здесь?

– Шериф Грей закрыл ферму. Сделать тебе завтрак?

– Что? – Я посмотрела на десяток застывших в ожидании

лиц. – Почему?

– Он сказал, что нужно изучить территорию на предмет дополнительных улик. Вчера было очень темно, хотя он честно пытался. Твой отец не спал до полуночи, ходил с ним и впускал в каждое стойло и сарай. Как ты сама спала?

Я преувеличенно заморгала.

– Надолго ферму закрыли? До Рождества двенадцать дней. Сегодня должны начаться «Оленьи игры».

Куки покачала головой.

– В этом году не выйдет.

Я сдулась. Ферму закрыли ради поиска улик? Маргарет убили на краю участка, за воротами, у проселочной дороги. Кажется, шериф слишком старается. Не говоря уже о том, что вообще-то «Оленьи игры» для моей семьи единственный источник дохода. Закрыть ферму – все равно что сказать, что нам есть что скрывать. Это испортит нашу репутацию.

– А где сейчас шериф?

Половина сотрудников указала наружу.

Я защелкнула крышку на стаканчике.

– Стой, – сказала мама. Она налила второй стаканчик и положила имбирное печенье в пластиковый пакет. – Отнеси ему что-нибудь перекусить. И спроси, сможем ли мы открыться на обед.

Я надавила на дверь бедром и кивнула маме. Будем надеяться, что шериф уже заканчивает.

У закрытых ворот, рядом с рейсовым автобусом, бродила

группа растерянных туристов. С водителем общался помощник шерифа.

– Мы ехали из самого Конкорда, чтобы украсить имбирных человечков, – настаивала какая-то дама.

Я пошла в другом направлении, надеясь, что скоро ее мольба будет услышана.

Ферма без посетителей выглядела странно. Тут не должно быть тихо и пусто. Вообще-то после того, что случилось вчера, город нуждался в «Оленьих играх». Делать то, что привычно, всем вместе – вот что помогло бы. Я чуть быстрее пошла сквозь снег, надеясь, что смогу доказать это шерифу.

Он кружил вокруг здания как заведенный и остановился.

– Доброе утро, мисс Уайт. Как самочувствие?

– Неплохо. – Я подняла стаканчики с кофе и налепила на лицо милую улыбку. – Подумала, вам нужно согреться, раз уж вы взялись за эту пустую затею.

Шериф хмыкнул:

– Вы говорите то, что думаете. Это ценно. Таких людей мало.

Он как раз брал у меня стаканчик с кофе, когда взгляд бледно-зеленых глаз нашел мой.

При свете дня шериф выглядел иначе. Не так пугающе и более непринужденно, в темных штанах и мешковатом фланелевом пальто. Единственным, что указывало на то, что он пришел сюда не поиграть и не выбрать дерево для праздника, был логотип шерифа на кепке.

– Ну? Как идут дела? – спросила я.

– С безнадежной затеей?

На моих губах заиграла искренняя улыбка.

– Долго вы еще тут пробудете?

Шериф указал головой в сторону «Очага».

– Позвольте спросить, раз вы так прямолинейны. Почему вы уверены, что никто из этих людей не убийца?

– Потому что я их знаю. Они любят этот город и его жителей, даже когда ругаются.

Он хмыкнул:

– Если вы что-то имеете против Маргарет Фенвик, мне следует знать об этом.

– Нет, – заартачилась я. – Конечно нет.

– Вы ведь обычно живете не здесь. Приехали на этой неделе из Портленда. Решили провести праздники дома?

Я подавила в себе желание его поправить.

– Да.

Шериф приподнял густые темные брови под козырьком.

– А про разрыв с женихом рассказывать не будете?

Я состроила рожицу.

– Кто проболтался?

– Слышал в кондитерской, – улыбнулся он. – Мне кажется, вы еще в округ не заехали, а я уже знал вашу историю наизусть.

Я застонала:

– Пусть это местечко прикроют. Люди объедаются слад-

ким и выдают все секреты, которые им известны. Настоящий кошмар любого школьника.

Или сбывшаяся мечта провинциального шерифа.

Он прищурился от яркого солнечного света, и от хорошего настроения не осталось и следа.

– Секреты есть у всех. Но сейчас я должен выяснить, кто скрывает то, что мне нужно знать. Например, есть ли здесь какие-нибудь укромные уголки, о которых мог забыть ваш отец? Старые погреба? Пустые домики? Тайнички?

– Вы сказали «тайнички»? – Я попыталась звучать нормально, но не смогла. – Давайте договоримся: я устрою вам настоящую экскурсию, а вы, когда мы закончим, откроете ферму.

Шериф пошел в сторону.

– Начнем оттуда?

– Подождите, – настояла я. – Мы договорились?

Пришлось его догонять.

– Давайте начнем с самого дальнего угла и будем продвигаться обратно к «Очагу». Так нам придется меньше всего кружить.

Я схватила шерифа за рукав и потянула в другом направлении.

– Надеюсь, вы готовы к прогулке.

Он пристально посмотрел на мою руку на своем локте, но протестовать не стал.

– Не могу обещать, что открою ферму, но спасибо за экс-

курсию. И за кофе.

– Я недовольна, но что ж поделаешь. Вон там деревья. – Я драматично указала на ровные ряды, когда мы проходили мимо. – Они высажены в соответствии с видом. Всего у нас восемь основных типов деревьев.

Я чуть не оступилась, потому что яркие указатели, напоминающие леденцы, теперь выглядели пугающе. Ноги потяжелели, а деревья словно укутались в дымку.

Лицо шерифа возникло перед глазами.

– Эй. Вы тут?

– Извините, – пробормотала я, пытаясь сфокусировать зрение.

Он поджал губы.

– После того, что вы вчера видели, такое состояние вполне нормально. Не боритесь с ним. Придется признать случившееся, чтобы пережить это.

Я сглотнула болезненный комок вины.

– Я разнесла бисквиты.

– Что?

– Мама велела мне сразу же пойти за Маргарет, но я осталась, чтобы разнести гостям бисквиты. Нужно было забыть о чертовых бисквитах.

– Перестаньте повторять это слово. – Шериф расправился во весь рост. – Ничего плохого вы не сделали. Вы не стали причиной ее гибели из-за того, что делали свою работу, и даже если бы пришли на пару минут раньше, не смогли бы

помочь. Скорее уж лежали бы сейчас рядом, если бы попались убийце. Мало кто из них любит оставлять свидетелей.

Он достал из бумажника визитку.

– Если вам нужно будет поговорить с тем, кто пережил нечто подобное, звоните в любое время.

– Спасибо. – Я прикусила губу, пытаясь понять, как относиться к милому человеку, который хотел мне помочь и одновременно с этим арестовать кого-нибудь из моих близких за убийство. – «В любое время» звучит очень широко. Вы не спите? У вас нет друзей?

– Практически.

Шериф Грей недавно жил в Омеле, а я почти всю жизнь знала местных. И один из них стал убийцей. От этой мысли заныло в животе.

– Почему это происходит?

– Именно это я и пытаюсь выяснить.

Он изучил горизонт.

Территория фермы официально заканчивалась в нескольких сотнях ярдов позади, у исторически недостоверного забора. С того места, где мы оказались, помощники шерифа выглядели как муравьи, марширующие по крошечной рождественской деревушке, а не как части моей сложной реальности.

– Что здесь? – Шериф наступил на занесенный снегом кусок ДСП синего цвета.

– Нет! Стойте! – Я подскочила, чтобы схватить его за

пальто. – Это яма.

Я потянула так сильно, что шериф чуть не оступился, шагая назад. Отпустив его, я наклонилась и взяла доску за один конец.

– Вот. Возьмите с той стороны.

Вместе мы отодвинули доску, открывая большую неровную яму в земле. Я подбросила в воздух ком снега. Снежинки рассыпались и засверкали в ярком солнечном свете, прежде чем исчезнуть в дыре.

– Когда я была маленькой, старая шахта осы́палась, и появилась эта дыра.

Шериф Грей осторожно подошел и посмотрел вниз.

– Насколько она глубокая?

– Раньше была глубже. Папа годами сбрасывал туда засохшие деревья и обрубленные ветки. В итоге падение в нее перестало быть смертельным. Уж я-то знаю, была там несколько раз. Синяки неделю не сходили.

– Вы туда прыгали? Не один раз? – Шериф отошел от края. – Но зачем?

– Я не нарочно. В детстве приходила сюда и прыгала через яму. – Я пожала плечами. – Иногда не долетала.

– Но зачем? – повторил он чуть медленнее.

– Зачем дети вообще что-то делают? От скуки, наверное. Или проверить, получится ли. Когда стало слишком просто, я начала отмечать, как далеко приземляюсь по ту сторону. К старшим классам получалось очень даже.

– Сколько вам лет? – спросил шериф. – Думаете, и сейчас получится?

Я с недоумением посмотрела на дыру.

– Мне двадцать шесть, так что выяснять не планирую. А как насчет вас?

– К несчастью, мне тридцать один, а прыгать в длину я не слишком-то умею.

Я улыбнулась. Он был ненамного старше меня, хотя по глазам казалось иначе.

– Как вы развлекались в детстве? – спросила я.

– Не так. – Шериф сделал еще несколько шагов от дыры. – Не закрывайте ее. Я пошлю кого-нибудь осмотреть.

Кому-нибудь явно не повезет. Я отряхнула руки и спокойно зашагала назад.

– Как давно вы живете в Омеле?

Он пошел со мной в ногу.

– Полгода. Что иронично, я подал заявку на этот пост именно потому, что здесь сорок лет подряд не случалось ни одного убийства. – Шериф перевел взгляд на меня.

– А чем вы раньше занимались?

– Шесть лет провел в убойном отделе в Бостоне. Но после одного очень тяжелого дела понял, что до пенсии этим заниматься не смогу.

– Скучаете по Бостону?

– Да, но мне нужно было уехать.

Занятно. Примерно то же я чувствовала по отношению к

Портленду. Я могла бы снять другую квартиру и избегать Бена без того, чтобы вырывать прошлую жизнь с корнем. Многие люди расстаются и не переезжают, но я хотела уехать. Мне *нужно было* уехать.

– Выходит, нам повезло. Бывший детектив убойного отдела, наверное, лучше подходит для этого расследования, чем прежний.

– Да? Каким он был?

– Я не знала его лично, но, по моим впечатлениям, он едва помещался за руль патрульной машины и редко выходил из кабинета.

Шериф Грей улыбнулся.

– Значит, ожидания у вас высокие.

Я подняла руку над головой, и он засмеялся.

Я посмотрела на шерифа, прищурившись от яркого утреннего света.

– Что с вами случилось в Бостоне? Почему вам нужно было уехать?

Он выдавил из себя улыбку.

– Пришло время перемен.

Деликатная тема?

– Ладно, и как вам Омела?

Шериф сделал еще пару шагов прежде чем ответить:

– По большей части мне кажется, что я всем мешаю. Было бы неплохо, чтобы кто-то замолвил за меня словечко перед местными.

Я сцепила пальцы в перчатках и опустила веки.

– По-моему, я чую сделку.

– Шантаж, – невозмутимо ответил шериф. – Чего вы хотите, Уайт?

– Можно нам открыться?

– Нет.

– По-моему, вы не понимаете, что такое шантаж.

Он засмеялся, и день как будто стал теплее.

Шериф нахмурился, когда показалось кафе. Количество гостей внутри как будто удвоилось.

– Откуда взялись все эти люди? Вы же сегодня закрыты.

– Это Омела. – Я подтолкнула его к двери. – У нас так принято. Можете зайти внутрь и со всеми поговорить, а мы как раз к обеду откроем ферму.

Я придержала дверь и поманила шерифа внутрь.

– Я не имею права разрешить вам открыться, пока не буду уверен, что закончил работу.

– По-моему, вам нужен настоящий подозреваемый.

Он сделал кислую мину и неторопливо переступил порог, а я пошла следом.

Если бы отсутствие настоящего подозреваемого было единственной причиной, по которой «Оленьи игры» не могли начаться, я была готова поспорить, что решу проблему до ужина.

Мне просто нужно было быстро съездить в город.

Глава 3

Извилистая окружная дорога, ведущая в город, была так же прекрасна, как и всегда, – даже теперь, когда я любовалась ей из-за руля взятого в аренду грузовичка. По мере того как я продвигалась вперед, лес постепенно исчезал, сменяясь пологими холмами и долинами, а затем и знакомыми домишками. На горизонте появилась россыпь хижин, из чьих труб валил дым, и с каждой секундой они становились все ближе.

Я приоткрыла окно с водительской стороны и вдохнула свежий зимний воздух. В грузовике, который я взяла в аренду в Портленде, пахло дешевым освежителем воздуха и моторным маслом. Теперь это сочетание навсегда будет связано у меня со слезами, которые я проливала, загружая сюда вещи. За пределами машины, впрочем, Омела пахла свежей хвоей и едва выпавшим снегом. При таком уровне кислорода недостатка в ясном мышлении быть не могло. Вероятно, именно поэтому, несмотря на то что расторгнутая помолвка меня потрясла, я отчетливо понимала, что все могло сложиться куда хуже – я ведь могла выйти замуж за своего бывшего.

Мой грузовик с грохотом остановился под витиеватым знаком из кованого железа, который гласил «Добро пожаловать в Омелу». Его окружали туристические автобусы, один

за другим высаживавшие пассажиров. Уличные скамейки были свежевыкрашены в красный, словно костюм Санты, цвет, а фонарные столбы обвивала зеленая хвоя. Я даже не осознавала, как соскучилась по всему этому. Даже традиционная омела, которая свешивалась с фонарей на Мэйн-стрит, напоминала о доме. Каждый год сотни людей делали селфи. И я не раз целовалась с кем-то на этих уголках.

Движение возобновилось, и я повернула направо, чтобы объехать скопление людей. Я проехала последние несколько кварталов до «Веселых перевозчиков» и припарковалась снаружи.

Выходящий клиент придержал мне дверь.

– Счастливого Рождества.

– Спасибо, – сказала я. – Счастливого Рождества.

Молодая женщина за стойкой поприветствовала меня улыбкой.

– Добро пожаловать. Куда мы можем вас перевезти?

Я положила на столешницу ключи и документы об аренде машины.

– Вообще-то, я только что вернулась.

– О, – она оживилась. – Тогда с возвращением. Я Энни.

За спиной у нее, собранный в тугую спираль, болтался белокурый хвостик.

– Холли, – помахала я ей через стойку.

Женщина разбиралась с документами, потирая веснушки под очками.

– Вы живете в «Оленьих играх»?

– Да. Хотите к нам зайти?

Ее улыбка завяла.

– Э, нет, спасибо.

У меня засосало под ложечкой – выходит, она слышала о смерти Маргарет и не хочет идти туда, где произошло убийство. Я заставила себя улыбнуться.

– Если передумаете и придете, найдите меня. У нас на этой неделе запланировано много интересных занятий, а я заодно испеку вкуснейшие сахарные печенья.

– Буду иметь в виду. – Я явно не смогла ее переубедить. – Счастливого Рождества.

Женщина дала мне леденец-тросточку и отошла от стойки.

Я засунула чек в карман белого пуховика и удалилась.

Мимо неторопливо прошла вереница туристов, нагруженных пакетами с покупками, очевидно решая, куда направиться дальше. Я ступила на тротуар позади них с новой целью. Мне нужно опровергнуть связь нашей фермы с убийством Маргарет – и сделать это прежде, чем весь город станет смотреть на нас так же, как эта женщина за стойкой смотрела на меня.

На Мэйн-стрит царило праздничное веселье. На фонарных столбах развевались растяжки, объявлявшие о наступлении «Двенадцати дней до Рождества» – фестиваля розничной торговли, в котором участвуют все местные магазины и

которым каждый год наслаждаются тысячи посетителей. Я почувствовала прилив гордости при виде стольких счастливых лиц, и мое настроение прояснилось.

Купив пакетик пекана в сахаре с уличной тележки, я задумалась о дальнейших шагах. В городе много владельцев и сотрудников магазинов наверняка видели Маргарет или разговаривали с ней в последние несколько дней. Времени обойти всех у меня сегодня не было, но я могла бы начать с чашечки кофе. Я нырнула в «Занятое зернышко» и оказалась в очереди из двенадцати человек. Помещение было окрашено в разные тона коричневого с вкраплениями розового и белого для красоты. Изображение улыбающегося мультяшного зернышка с руками, ногами и шляпой в форме лодочки украшало витрины, меню и прилавок.

Очередь медленно продвигалась вперед, пока я выбирала между двумя любимыми напитками. «Ванильный праздник» напоминал о посиделках после школы с членами клуба любителей искусства, а корично-ванильный дольче – о рождественском шопинге с мамой.

– Добро пожаловать в «Занятое зернышко». Что я могу вам предложить? – Дружелюбная женщина в свитере с фирменным логотипом выглянула из-за кассы. – О, привет, Холли!

– Привет! – Я стряхнула остатки сахара с губ и спрятала наполовину пустой пакетик орешков в карман. – Венди, верно?

Когда я была подростком, Венди заведовала маленькой библиотекой на Либерти-стрит. И до тех пор, пока не получила водительские права, я частенько заглядывала в то очаровательное местечко, чтобы оставить прочитанную книгу и взять новую. Сев за руль, я сменила быстрые забеги в маленькую библиотеку на вечера, которые проводила в огромном сетевом книжном в соседнем городе.

– Что тебе приготовить? – Венди написала мое имя на белом бумажном стаканчике и улыбнулась еще шире.

– Я буду корично-ванильный дольче.

– Отличный выбор. – Она принялась выдавливать сиропы и наливать эспрессо в мой стаканчик. – Что-нибудь еще?

– Да. – Я положила локти на прилавок и наклонилась. – Ты слышала о том, что случилось с Маргарет Фенвик?

Венди остановилась, не дожав на помпу бутылочки с сиропом, и посмотрела на меня огромными глазами.

– Да. Это ужасно.

– Я слышала, что на этой неделе она поругалась буквально со всеми. Но я вернулась домой всего пару дней назад и пропустила весь сыр-бор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.